

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ ИДИОМ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ СМИ)

© 2011 Н.А.Емельянова

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 01.03.2011

В статье рассматривается когнитивное сходство идиом и метафор как основа функциональной продуктивности идиом в текстах СМИ. Исследуется вопрос о модельной природе идиоматических выражений и их роль в создании языковой картины мира.

Ключевые слова: идиома, фреймовые структуры, когнитивная база, прагматика текста.

Цель данной статьи – показать значимость комплексного изучения идиоматических выражений в рамках когнитивного подхода и обосновать функционально-прагматическую связь между идиомами и структурой текста. В число основных задач данной статьи входит определение функционального потенциала английских идиом, а также анализ и формулировка аргументов в пользу когнитивного сходства идиом и метафор. Предметом исследования служат метафорические модели, в состав которых, как правило, входят идиомы. Главной трудностью исследования представляется разнородность материала. В настоящей статье мы будем рассматривать только разложимые или полуразложимые идиомы с прозрачной или полупрозрачной структурой по классификации Сэма Глюксберга, т.е. идиомы типа *read between the lines*, *carry coals to Newcastle* и *spill the beans*, *wooden spoon*. В идиомах таких видов полностью или частично отсутствует переосмысление компонентов, что позволяет видеть семантические связи в составе идиомы¹.

Мы исходим из предположения о том, что идиомы данного вида выполняют функцию обобщения знаний о мире. Многообразие различных явлений, ситуаций из жизненного опыта побуждает наше мышление к формированию обобщенных словесных моделей. Таким образом, в сознании носителей языка создается определенная языковая картина мира. Закладывая в себе информацию о типичных ситуациях, языковая картина также включает, как обобщенную лингво-культурологическую, так и ценностную значимость, принимаемую в отдельных лингво-культурных сообществах, профессио-

нальных кругах, социальных группах и т.д. Процесс выделения схожих черт в целом ряде явлений из различных сфер опыта и их обозначение при помощи идиом предполагает существенный уровень абстракции и создание образной аналогии. Рассмотрим подробнее, как это происходит.

По уровню обобщения и абстракции идиомы в определенной степени функционируют так же, как и языковые единицы, выражающие логические понятия. В семантической структуре идиомы вербально эксплицирован минимальный набор общих признаков, характерных для целого ряда схожих ситуаций из жизненного опыта людей. Этим объясняется разнообразие сфер употребления частотных идиом этого вида и многообразие контекстов их употребления. Безусловно, обобщение не означает устранение специфических черт и типичных особенностей тех или иных ситуаций или явлений. По утверждению Э.Кассирера, процесс образования понятий не подразумевает простого устранения своеобразия частных случаев с целью выделения некоего общего признака, господствующего над совокупностью элементов, среди которых производится отбор. «Если всякое образование понятия состоит в том, что мы отбираем в массе лежащих перед нами объектов одни лишь общие признаки, оставляя прочие нетронутыми, то ясно, что путем такой редукции мы на место первоначальной конкретной *совокупности* ставим голый частичный состав»².

Говорить о том, что понятие исключает специфические особенности тех явлений, которые оно выражает в обобщенном виде, было бы в корне неверно. В таком случае понятие бы просто утратило свое значение. Процесс выделения общих черт, определяемый Э.Кассирером как «акт отрицания» (выделение общих черт путем

⁰ Емельянова Наталья Александровна, аспирант. E-mail: ntleme@gmail.com

¹ Glucksberg S. Understanding Figurative Language: From Metaphor to Idioms / Oxford Psychology Series. Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 73 – 74.

² Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции. – М.: 2006. – С. 12.

отрицания специфических), служит выражением положительного действия: «то, что остается не является какой-то произвольно выхваченной частью, но представляет «существенный» момент, *определяющий* все целое»³. Так и идиома, как правило, представляет собой некий «существенный момент», референтно соотносимый с целым рядом различных ситуаций.

Несмотря на отмеченное выше функциональное сходство идиом и понятий, немаловажно отметить, что способ образования идиом коренным образом отличается от способа образования понятий. Происходит не просто выделение некоего общего признака или совокупности признаков из множества частных случаев, а, наоборот, определенная ситуация из человеческого опыта, казалось бы, ничем особенно не примечательная, неожиданно становится своего рода прототипом, который можно использовать как модель для обозначения иных, никак не связанных между собой ситуаций. Например, английская идиома *carry the can* – *разг.* отдуваться, «быть козлом отпущения», «расхлебывать кашу»⁴; – «неохотно брать на себя ответственность за что-то, что, как правило, пошло не так; нести ответственность за проступки других людей»⁵.

Для человека не знакомого с данной идиомой, а тем более для не носителя языка понять смысл этой идиомы вне конкретного контекста практически невозможно, т.к. структура этой идиомы непрозрачна, а, следовательно, можно сказать, что значение идиомы является немотивированным. Иными словами, на основании этого словосочетания невозможно восстановить этимологию идиомы, в отличие от мотивированной идиомы, например такой, как *carry coals to Newcastle* (ехать в Тулу со своим самоваром). Мотивированные идиомы позволяют не только увидеть семантическую структуру путем простого лингвистического анализа, но и на основании экстралингвистических данных (Ньюкасл – центр горнодобывающей промышленности Великобритании) понять ее смысл и аксиологический компонент, заложенный в высказывании – «глупо везти свой уголь в Ньюкасл, как и самовар в Тулу» (в русском эквиваленте). Следовательно, единственным способом объяснения культурологической и аксиологической значимости идиомы *carry the can* является восстановление исходной модели ситуации, служащей прототипом ситуаций такого рода.

Это необходимо для создания отсутствующего в сознании реципиента концепта или фрейма ситуации, к которому принадлежит данная идиома. Наличие соответственной фреймовой структуры обуславливает мотивировку значения идиомы и, как следствие, ее запоминаемость и возможность осознанного употребления. В большинстве случаев для получения полноценной информации необходимо привлечь данные этимологических исследований, т.к. важно установить дату первой фиксации идиомы и проследить возможные существенные изменения значения и формы идиомы в диахронии.

По мнению этимологов, идиома *carry the can* происходит в британском английском из военного жаргона. Когда-то считалось нежелательной обязанностью обносить солдат пивом, т.к. тот, кто нес большую банку (*can*) с пивом нес ответственность не только за пиво, но и за сохранность тары, которую он был обязан вернуть. Существует и другая версия происхождения этой идиомы: в XIX веке на угольных и медных рудниках широко применялась взрывчатка. И одному из рабочих выпадала несчастливая участь нести жестяную банку (*can*), наполненную взрывчаткой в шахту. Нетрудно предположить, что никто не стремился «нести банку» (*carry the can*), отсюда происходит современное восприятие этой идиомы – «неохотно брать ответственность на себя»⁶.

Как следует уже из этих двух возможных вариантов происхождения идиомы *carry the can*, исходные ситуации не связаны между собой, но аналогичны по смыслу. Идиома *carry the can* заключает в себе обобщенный смысл обеих ситуаций. Вероятно, в силу популярности контекстов подобного рода (кому-то постоянно приходится брать на себя ответственность за проступки других людей) эта идиома приобрела современный прототипический смысл, используемый для опосредованного описания множества конкретных ситуаций. Таким образом, в любом контексте, в котором описывается ситуация, суть которой сводится к тому, что кто-либо не желает брать на себя ответственность за чужие проступки, т.е. становится «козлом отпущения» – гипотетически может быть употреблена идиома *carry the can*, выступающая в качестве прецедентного высказывания, связанного с прецедентной ситуацией «*carrying the can*». Для того, чтобы более убедительно обосновать выдвигаемое нами предположение о функциональном сходстве логического понятия и идиомы, обратимся еще к одному примеру. Для наглядности мы решили рассмотреть идиому, не имеющую значения ситуативности (как в предыдущем

³ Кассирер Э. Познание и действительность....

⁴ Англо-русский фразеологический словарь / Лит.ред. М.Д.Литвинова. 4-е изд. – М.: 1984. – С.123.

⁵ Jack A. Red Herrings and White Elephants. London: Metro Publishing Ltd, 2007. – P.126.

⁶ Там же.

примере), т.е. идиому не с глагольной, а с именной грамматической структурой.

Английская идиома *round robin* представляет собой пример ассимиляции и развития понятия, заимствованного из иной культурно-языковой среды. В современном английском языке она обозначает «открытое письмо» или «циркулирующий, доступный всем, информационный пакет». Кроме того, эта идиома широко используется в текстах спортивной тематики для обозначения «спортивного состязания, в котором каждый участник соревнуется против своих соперников, пока не будет определен победитель»⁷. Если обратиться к этимологии этой идиомы, то можно восстановить исходную ситуацию, которая послужила своего рода «прецедентом», ныне широко используемым для обобщения столь различных явлений из человеческого опыта. Идиома *round robin* пришла в английский язык из французского, где означала «петицию» или «прошение», с которым народ обращался к монарху во время крестьянских восстаний во Франции в XVII-XVIII вв. В те времена подавать петицию королю было делом рискованным, т.к. очень часто король бегло просматривал документ и называл три или четыре имени из начала списка – именно этих людей объявляли зачинщиками и казнили. Поэтому, мятежные крестьяне изобрели новый способ подавать петиции королю: делалась так называемая *rond ruban* – лента с фамилиями подписавшихся, скрепленная с обоих концов, и образующая кольцо. Таким образом, исключалась возможность определения, в какой последовательности ставились подписи, а, следовательно, кого необходимо призвать к ответственности в первую очередь⁸. Как явно следует из этимологии этой идиомы, «существенным моментом», определяющим целое, здесь служит представление о равенстве участников, занятых в определенном действе, будь то прочтение открытого письма, рассылаемого всем, или спортивное соревнование «на вылет», где каждый участник должен соревноваться по очереди со всеми соперниками. Интересно отметить, что нами был также обнаружен пример, показывающий, что употребление этой идиомы не ограничивается только перечисленными выше контекстами. В *British National Corpus* зафиксирован пример, иллюстрирующий следующее употребление этой идиомы:

At the pier, shops sell batiks and woolens to the ferry travelers: families with packed cars and roof-racks; men with sheepdogs on the way to trials at Mallaig, bikers on some kind of *round robin*

according to their tags – «*Geneve-Edinburgh-Brugge-Geneve*» (BNC).

Идиома *round robin* в рассматриваемом примере из Британского Национального Корпуса служит метафорой кольцевого велопробега, старт и финиш которого находятся в Женеве. Легко предположить и возможность других смыслов, вкладываемых в эту идиому в иных контекстах, что говорит о продуктивности использования самого прецедентного феномена в качестве прототипической модели, обладающей ценностной значимостью в данной культурно-языковой среде. Открытое письмо, спортивное соревнование, круговой велопробег, петиция – все эти абсолютно разные референты могут быть обозначены идиомой *round robin* на основании общего семантически значимого признака. Безусловно, речь не идет о создании некоей иерархической структуры или об образовании родового понятия. Мы проводим аналогию между понятием и идиомой только на основании схожести их важнейшей функции – обобщения и систематизации знаний о мире.

Как показывает исследованный материал, каждая конкретная ситуация может быть описана при помощи уже существующей стереотипной модели. Многие из таких моделей закреплены в языке в виде идиоматических выражений, что позволяет говорить о фразеологической картине мира или о когнитивной базе идиом, как о своеобразной форме существования и хранения знаний. Под когнитивной базой мы вслед за Д.Б.Гудковым понимаем «...определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества»⁹. Заметим, что идиомы по своей форме и функциональному потенциалу идеально соответствуют способу хранения информации в когнитивной базе, поскольку, важнейшим параметром для вхождения определенно элемента в когнитивную базу является минимизация и существенная компрессия информации. Д.Б.Гудков говорит о том, что из всего многообразия весьма противоречивых характеристик какого-либо феномена выделяется лишь некий весьма ограниченный набор признаков, остальные же отбрасываются как несущественные. Следовательно, возможно предположить, что когнитивные базы формируют не столько представления о тех или иных феноменах, сколько

⁷ Jack A. Red Herrings and White Elephants. London: Metro Publishing Ltd, 2007. – P.83.

⁸ Там же.

⁹ Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб.пособ. / Отв. ред. М.Н.Володина. – М.: 2003. – С.405.

инварианты представлений¹⁰. Иными словами, происходит минимизация и редукция вербального выражения определенного культурного феномена до короткой цепочки - минимальной смысловозначительной единицы. Состав когнитивной базы формируют прецеденты, представленные воспроизводимыми единицами (идиомами, клише, штампами), содержащими определенный образно-ассоциативный комплекс, значимый для данного социума. Все прецеденты тесно взаимосвязаны. При актуализации одного из них может происходить актуализация сразу нескольких остальных, а прецедентные феномены общего происхождения могут выступать как символы друг друга. Д.Б.Гудков также выделяет прецедентный текст (ПТ) и прецедентную ситуацию (ПС) как более крупные единицы, представляемые в речи минимизированными вербальными комплексами – прецедентными высказываниями (ПВ) (в частности идиомами) и прецедентными именами (ПИ) (например, *Анна Каренина*, *Обломов*, *Тарас Бульба* и т.п.). «Реальная ситуация речи может сопоставляться автором с некой ПС, выступающей как эталон для ситуаций такого типа вообще. Чтобы актуализировать в сознании собеседника инвариант восприятия данной ПС, говорящий употребляет ПВ или ПИ»¹¹.

На основании всего сказанного выше мы делаем два существенных для данного исследования предположения относительно роли идиом в текстах СМИ. Во-первых, идиомы в текстах СМИ выполняют функцию прецедентных высказываний, осуществляющих связь определенной прецедентной ситуацией или прецедентным текстом (например, библеизмы или мифологизмы). Во-вторых, как следует из приведенной выше цитаты, процесс соотнесения реальной ситуации речи с эталонной происходит посредством интерпретации одного конкретного феномена в терминах другого. В этой связи представляется необходимым рассмотреть вопрос о соотношении идиом и метафор.

Многие идиомы по сути своей и есть метафоры. Аристотель видел в метафорах выраженные в словах переносные смыслы, осуществляющие перенесение необычного имени с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид или по аналогии¹². Как и метафоры, идиомы осуществляют перенос с вида на род. По мнению Сэма Глюксберга, идиомы обозначают ситуации, действия или события, которые указы-

вают на класс ситуаций, действий или событий. Например, «катание на коньках по тонкому льду» является прототипически рискованным действием, следовательно, фраза *skating on thin ice* может обозначать любое действие, соотносимое с этим действием по степени риска. Таким образом, идиома может служить метафорой любого подобного действия, например, «*going to develop a unified theory of idioms is skating on thin ice*»¹³.

В сознании носителей языка существуют прочные семантические связи между конкретными явлениями действительности и языковыми выражениями, закрепленными во фразеологическом корпусе их языка. Например, в английском тезаурусе частотной метафорой «дорогой и бесполезной вещи» служит *white elephant* («белый слон»); слабое место называют *Achilles' heel* («Ахиллесова пята»); некрасивого ребенка, который, возможно, с возрастом превратится в прекрасного молодого человека – *ugly duckling* («гадкий утенок»); о безвозвратно утраченной вещи говорят: *it's gone West* («ушло на запад») – по аналогии с тем, как в Лондоне когда-то именно в западном направлении увозили заключенных, т.к. главные тюрьмы города – Ньюгейт и Клинк располагались в восточной части города, а Тайбернские виселицы – в западной (неподалеку от того места, где сегодня стоит Марбл Арч), следовательно если заключенного увозили на запад, то он никогда не возвращался; сложную непонятную ситуацию, из которой трудно найти выход называют *Rigmarole* (*Ragman roll* – так назывался документ, подписанный шотландскими лордами в знак верности королю Эдуарду I, к сожалению, список получился очень длинным (40 футов!) и трудно читаемым); а надежного человека – *real brick* (как воинов Царя Ликурга, служивших ему «каменной стеной») ¹⁴.

В *Поэтике* Аристотель показывает, что главное достоинство общественной речи состоит в том, чтобы «быть ясной и не быть низкой». Самое ясное выражение, конечно, состоит из общеупотребительных слов, а речь, состоящая из метафор – загадка. Следовательно, надо смешивать общеупотребительные выражения и метафоры, глоссы и пр., чтобы речь, с одной стороны, не состояла из одних клише, т.е. не была затасканной, а, с другой стороны, чтобы в ее построении и наполнении сохранялась ясность. Как и поэты античности, именно к этой

¹⁰ Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса.... – С.405.

¹¹ Там же. – С.407.

¹² Аристотель *Поэтика*. Риторика / Пер. с греч. В.Аппельрота, Н.Платоновой. – СПб.: 2008. – С.54 – 55.

¹³ Glucksberg S. Understanding Figurative Language: From Metaphor to Idioms / Oxford Psychology Series. Oxford: Oxford University Press, 2001. – P.72.

¹⁴ Jack A. Red Herrings and White Elephants. London: Metro Publishing Ltd, 2007. – P.91.

цели в наши дни стремятся авторы газетных и журнальных статей.

Дж. Лакофф и М. Джонсон убедительно показали, что метафоры пронизывают всю обычную понятийную систему человека. «Так как множество понятий, важных для человека, либо абстрактно, либо нечетко определено в опыте (...), возникает необходимость использовать для их понимания другие концепты, которые осознаются более четко (...). Это приводит к определению концептуальной системы с помощью метафор»¹⁵.

Так идиомы не только представляют прототипическую ситуацию, посредством обращения к которой происходит обобщение конкретной ситуации, но и служат для более четкого, экспрессивного описания данной конкретной ситуации, что делает текст более запоминающимся и облегчает понимание авторской позиции. И.В. Арнольд отмечает то, что «каждый читатель реконструирует предложенную автором модель мира несколько по-своему, в особом, его собственном варианте, синтезируя то, что находит в тексте, с тем, что имеет в собственном читательском и жизненном опыте»¹⁶. Идиомы являются теми «точками соприкосновения», которые облегчают восприятие новой информации, т.к. отсылают к языковым структурам, которые уже заложены в сознании носителя языка.

Важнейшим компонентом идиомы является яркий образный план, что не просто способствует выражению экспрессии, и повышению эмоциональности высказывания, но и является очень удобным средством компрессии информации. Идиома позволяет создать краткую и очень яркую характеристику, позволяющую лаконично выразить сложную мысль, или дать оценку определенному положению вещей, действиям политических деятелей и т.п. И.В. Арнольд указывает на то, что это достигается с помощью яркого образного плана идиомы, т.к. именно образ как представление общего через единичное обладает значительной способностью к компрессии¹⁷. Как известно, компрессия информации является существенно важным параметром для текстов публицистических жанров.

Показав функциональное сходство идиом и понятий и приведя аргументы в пользу положения о когнитивной и семантической близости

идиом и метафор, перейдем далее к рассмотрению идиом как развернутых или сложных метафор, т.к. предметом нашего исследования являются не отдельные метафоры, а системы метафорических моделей. Под метафорической моделью, вслед за А.П. Чудиновым, мы понимаем «существующие в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной сферы-магнита»¹⁸. Таким образом, мы отходим от атомистического представления об идиомах, как о единицах лексического порядка, и принимаем выработанное в рамках когнитивной лингвистики представление о том, что в основе идиом, основанных на метафорах, лежат не отдельные значения слов, а сформировавшиеся в сознании человека фреймы. Причем фреймы являются не изолированными структурами, а частями кластеров или доменов¹⁹.

При анализе примеров мы пользуемся когнитивно-дискурсивным анализом метафорических моделей, что предполагает элиминирование всех ограничений, традиционно налагаемых структурным подходом: принадлежность рассматриваемых элементов к одной семантической группе или к одной части речи и ограничения, связанные с уровнями языка. При данном подходе в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, идиомы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы²⁰. Это положение когнитивного подхода заключает в себе ключевое отличие от традиционных методов анализа идиоматических выражений, что, на наш взгляд, позволяет расширить поле исследований в данной области. Для того, чтобы подкрепить сказанное выше, рассмотрим пример, иллюстрирующий положение о том, что идиомы или развернутые метафоры, являются не атомарными единицами, а входят в состав фреймовых структур.

Now that *the clay feet of the economic system have been exposed*, the gap between a global system for economics and the global political system based on the state must be addressed as a dominant task in 2009. *The economy must be put on a sound footing*, entitlement programmes reviewed and the national dependence on debt overcome. Hopefully, in the process, past lessons of excessive state control will not be forgotten (The Economist. World in 2009. Nov. 19th 2008. An End of Hubris).

¹⁵ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ., под. ред., с предисл. А.Н. Баранова. – М.: 2004. – С. 147.

¹⁶ Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. – СПб.: 1999. – С. 88.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Чудинов А.П. Когнитивнодискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: 2003. – С. 419.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. – С. 421.

Привлекая дополнительные элементы фрейма, актуализируемого идиомой *feet of clay* автор статьи заставляет адресата обратиться к своему языковому и коммуникативному опыту и осознать, что у серьезных вещей таких, например, экономика страны (представленная концептуальной метафорой ЗДАНИЕ) должно быть «прочное основание» (*a sound footing*), а не «глиняные ноги» (*clay feet*). Добавление глагола *to expose* («обнажать» или «выставлять напоказ») говорит о пути расширения метафорической модели путем заимствования дополнительных элементов из фреймовой структуры. Частью фреймовой структуры, вероятно, является и оригинальный ветхозаветный текст пророка Даниила 2:33 – 45 озаглавленный как *Feet of clay*, рассказывающий о сне царя Навуходоносера: «исполинская сияющая статуя, голова которой была сделана из золота, грудь и руки – из серебра, а ноги из железа и глины; статуя была с легкостью разрушена камнем, попавшим в непрочное основание»²¹.

У читателей, не знакомых с ветхозаветным текстом, эта идиома, скорее всего, ассоциируется с одноименным названием популярной книги Терри Пратчетта *Feet of Clay*, где она воспринимается как и в библейском оригинале – как метафора скрытого недостатка или слабости.

Важнейшим элементом в структуре фрейма является прототипическая оценочная характеристика прочности, устойчивости – «исполинская фигура идола не может устоять на глиняных ногах». Недостатки и слабые места (*clay feet*) американской экономики обнажил (*exposed*) мировой кризис, и теперь главной задачей правительства страны является заменить «глиняные ноги» на более прочное основание (*sound footing*).

Популярность идиомы *put smth on a sound footing* можно объяснить тем, что *sound footing* является частотной метафорой в английском языке, а идиома *feet of clay* (в нашем примере *clay feet*), возрожденная Пратчеттом в 1996 году, заняла один из слотов этого фрейма. Преимущественно благодаря тому, что ее компонент *feet* («ноги») в сознании носителей языка семантически связан с *footing* («опора, основание»).

Рассмотрим еще один пример, в котором наблюдается включение идиомы в метафорическую модель. Мы рассмотрим случай подчинения целого текста одной метафорической модели, в терминологии А.П.Чудинова – «доминантной метафорической модели». Главным

свойством доминантной метафорической модели является способность задавать структуру текста или его части. Характеристикой развертывания в тексте доминантной модели является возникновение в тексте центра «текстового напряжения», что создает благоприятные условия для появления в тексте многочисленных метафор из одного или нескольких семантически связанных фреймов.

Сферой-источником в приведенном ниже примере служит фрейм *STORM / CATASTROPHE*, важнейшей частью структуры которого, является слот *WITHSTANDING THE STORM* – противостояние стихии, чем обусловлено присутствие в тексте антропоморфных метафор. Метафорический образ заданный уже в заголовке – в сильной позиции, далее он развивается на протяжении всего текста. Темой статьи является экономический кризис воспринимаемый автором как природная катастрофа, разразившаяся в 2008 году, и в грядущем 2009 году автор предсказывает только ухудшение ситуации. Рассматриваемый пример – это отрывок статьи под названием *Buckle up*, взятый из ежегодного выпуска журнала *The Economist: The World in 2009*. Для большей наглядности элементы доминантой метафорической модели выделены курсивом – *прим. авт.*

YES, it has been a *traumatic* year. The financial crisis *swept away* venerable banks, American house prices *fell* more steeply than at any time since the Great Depression, there were food riots in developing countries and *scary* gyrations in the price of oil. Yet the news was not all bad. Beyond banking and housing, other bits of the American and European economies managed for much of the year *to struggle on*. Emerging economies generally delivered robust economic growth. All in all, despite the *turmoil* in finance and a *sharp turn for the worse* towards the end of the year, with GDP growth of around 3.8% the global economy wasn't nearly as bad in 2008 as many feared. Can it repeat the trick in 2009?

Sadly, no. For some professions, things will get better—since they could hardly get worse. Investment banking as an independent activity virtually ceased to exist in 2008, as famous names collapsed, merged or converted into deposit-taking institutions. Investment bankers spent the year *fearing* for their jobs (or tending their gardens). But for many investment banks, the rapid downsizing seen in 2008 means that by mid-2009 most of the firings will be over. Indeed, the more adventurous will be looking for opportunity in adversity, and hunting for new business by late 2009.

Similarly for the housing industry. Builders have been through a *bruising* 2008, as housing activity practically *ground to a halt*. But with prices in America likely to bottom out in the spring (and Europe perhaps six months behind), the industry should at least stabilize—although a recovery in housebuilding seems unlikely before 2011.

However, other sectors will find 2009 much tougher than 2008. The *choking* of bank credit,

²¹ Wikipedia. [Elektronnyi resurs]. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.wikipedia.org> (Дата обращения 15.01.2011).

combined with general gloom about the economic outlook, is leading non-financial businesses to retrench. Having dithered for much of the past year, companies are getting serious about cost-control. So lay-offs and cuts are moving from banking and construction to the wider economy. This by itself will reduce growth; and the resulting rise in unemployment will further sap consumer demand for everything from PCs to restaurant meals.

Weakness in the broader economy will also make it harder for consumers and businesses to service their debts. In 2008 default rates remained relatively low (although you might not have thought so from the newspaper headlines). The picture will be much worse in 2009, as currently good credit risks start to shirk their debts. As a result, banks will experience a *second wave* of financial difficulties, as their commercial and retail arms go through similar *pain* to their investment-banking divisions. This will lead to yet more *swingeing* write-downs and *desperate* capital-raising – and more household names *will go under*.

This pressure on commercial and retail banking will mean that the credit crunch continues for much of 2009. Indeed, for most people the situation will feel worse than in 2008: it's one thing to read in the newspapers about investment-banking *blow-ups*, quite another to see your own hometown bank *going to the wall*. The *trickle* of retail-bank failures we saw in 2008 *will become a flood*.

Заголовок статьи *Buckle up* («Пристегните ремни») является ярким примером реализации не одного, а нескольких смыслов, принадлежащих одной метафорической модели. Буквально эта фраза означает «застегнуть пряжку, ремень» и может употребляться в таких контекстах, как, например, *Wendy can already buckle up her shoes although she's only four* – «Венди уже умела самостоятельно застегивать пряжки на ботинках, когда ей было всего четыре года». Но в нашем примере происходит активизация более широкого семантического пласта, и, прочитав подзаголовок статьи *Robin Bew expects tougher times ahead for the global economy*, мы понимаем, что *buckle up* реализует здесь смысл «пристегнуть ремни безопасности» и приготовиться к худшему. Используя фразу *buckle up* автор статьи, скорее всего, предполагает наличие прочной семантической связи между *buckle up* и *buckle down* – приготовиться; сконцентрировать внимание, энергию (на чём-л.); энергично взяться за дело, как в примере: *He buckled down to the job* – Он энергично приступил к работе. А также значения глагола *to buckle* – «сплотиться», «объединиться», «вступить в схватку», «сцепиться». То есть, для того, чтобы пережить кризис в Америке (всем отраслям экономики, банкам и т.д.) необходимо не просто пристегнуться в ожидании худшего, но и сплотиться, чтобы пережить катастрофу (*turmoil*).

Кризис 2008 года нанес непоправимый урон экономике США – это выражено в тексте по-

средством антропоморфной метафоры болезни, нанесения увечий (прилагательные: *traumatic, bruising, choking, scary*; существительные: *weakness, pain; sharp turn for the worse* – «резкое ухудшение») в сочетании с глаголами *to fall, to collapse, to fear, to struggle, to sap* создает образ жестокой и неравной борьбы со стихийным бедствием, которая в 2008 году была проиграна. Кризис пронесся по Америке, словно новый ураган Катрина, стирая все на своем пути (*swept way*), вызывая наводнение (*flood*), заставляя жизнь замереть (*put the activity ground to a halt* – идиома *grind to a halt*). Но и это еще не все – дальше будут новые потери и смерти (*investment-banking blow-ups, hometown bank going to the wall* – идиома *go (gone) to the wall*, происходящая из мрачной традиции перед похоронами помещать тела усопших у стены церковного двора, граничащей с кладбищем). И даже, несмотря на отчаянные попытки что-либо сделать (*desperate capital-raising, swingeing write-downs*), еще много жилых кварталов окажется под водой (*more household names will go under*). Заканчивается статья мрачным прогнозом на будущее: «тонкая струйка превратится в бурный поток – *trickle will become a flood*, т.к. грядет «вторая волна» (*second wave*).

Рассмотренный пример иллюстрирует текстообразующие функции метафоры, путем подчинения текста одной доминантной метафорической модели. Присутствующие в тексте идиомы *grind to a halt* и *go (gone) to the wall* входят в состав данной метафорической модели наравне с другими метафорами. Таким образом, в качестве доминанты используется развернутая метафора CRISIS IS HURRICANE.

Итак, мы показали, что идиомы данного вида являются своего рода прецедентными высказываниями, по функции сравнимыми с метафорами. Как и метафоры, такие идиомы способны задавать структуру текста или его части, путем привлечения дополнительных элементов фрейма. В зависимости от той прагматической цели, которую преследует автор текста, это могут быть глаголы, вносящие элемент ситуативности в идиому с номинативной структурой (*to expose clay feet*) для создания динамической модели ситуации; либо семантически значимые элементы, необходимые для установления логической связи в тексте, например: противопоставления *clay feet – sound footing*. Также мы попытались обосновать функциональное и когнитивное сходство идиом и метафор, показав, что идиомы могут использоваться в составе доминантных метафорических моделей.

Безусловно, проблематика, затронутая в настоящей статье, предполагает дальнейшие более основательные исследования взаимодействия метафор и идиом. В рамках настоящей статьи

мы стремились показать потенциальную продуктивность рассмотрения идиом в русле когнитивного анализа.

ON THE ISSUE OF IDIOM FUNCTIONING IN ENGLISH-LANGUAGE MASS MEDIA TEXTS

© 2011 N.A.Emelianova^o

Saint-Petersburg State University

The article dwells upon the cognitive similarity between idioms and metaphors as the core of the functional efficiency of idioms in mass media texts. The question of a model-like nature of idioms is raised and the role of idiomatic expressions in creation of linguistic world-image is discussed.

Key words: idiom, frame structures, cognitive base, pragmatics.

^o *Natalia Alexandrovna Emelianova, graduate student.*
E-mail: ntleme@gmail.com